

6 мая — День печати.

9 мая — 35-летие нашей Победы.

В этих двух праздниках, в этих двух датах сливаются боевые подвиги и творчество сотен советских писателей, которые с первого и до последнего дня Отечественной войны, находясь в рядах славной Красной Армии, с оружием в руках сражались с гитлеровскими полчищами, поставив на службу Победе и свое перо.

В связи с этими приближающимися праздниками «Литературная газета» обратилась к писателю, генерал-майору Давиду Иосифовичу Ортенбергу, который в годы Великой Отечественной войны был ответственным редактором газеты «Красная звезда», с просьбой познакомить наших читателей с новой своей работой.

Ниже публикуются фрагменты из новой художественно-документальной книги Д. И. Ортенберга «Это останется навсегда», книга, в которой автор продолжает разрабатывать хорошо известную ему тему боевой, творческой деятельности советских литераторов на фронтах Великой Отечественной войны.

Книгу готовит к печати Политиздат.

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

Вадим
КОЖЕВНИКОВ

...В первых военных номерах «Красной звезды» во второй полосе была открыта рубрика «Герои Отечественной войны». И вот в один из дней лета сорок первого года в нашу редакцию с Западного фронта поступил очерк Вадима Кожевникова, слушавшего корреспондентом фронтовой газеты и нашим спецкором. Назывался очерк необычно — «Павел Филиппович Трошкин» и был посвящен фронтовому санитару. Написан был очерк взволнованно, с глубоким уважением к человеку, который хотя и не стрелял сам, не ходил в атаку, но был таким же бесстрашным бойцом переднего края, как и стрелки, пулеметчики, артиллеристы... Он всегда жил так же, как его друзья, под вражеским огнем, и спал раненых — это был воин великого и безмолвного мужества. Но почему Кожевников выбрал в герои одного из первых своих фронтовых очерков именно санитаря?

Много лет спустя он так ответил мне на этот вопрос:

— Человек идет в бой. Он знает, что не всем суждено вернуться из него живым. Но он готов пожертвовать даже своей жизнью ради святого дела защиты Родины. И все же у каждого — надежда, что судьба прикроет его своим крылом. И уж самое худшее, на что он рассчитывает, — это, говоря словами поэта, «если раны — небольшой». Но сердце все же тревожит мысль: вынесут ли с поля боя, успеют ли, не истечет ли раненый кровью?

— Откровенно говоря, — признался писатель, — я и сам, бывало, примерял на себе эти настроения. Жизнь ведь у каждого одна... Мало кто хотел идти в санитары. Считалось, что на войне это — не главное дело. Каждый мужчина или юноша стремился взять винтовку или автомат, чтобы собственными руками бить ненавистных захватчиков. Даже девушки не очень рвались в санитарки, хотели «воевать по-настоящему». Вот почему я захотел возвысить эту неприметную на фронте, но очень важную боевую профессию. Начал искать, пока не нашел своего героя-санитара Павла Филипповича Трошкина, надежнейшего в опасном боевом деле человека...

...Вадим Кожевников любил писать именно о таких надежных людях, которым, как говорится, и черт не брат... Здесь, на фронте, их были тысячи, сотни тысяч: людей таких — море! Сложности были, в ином, и прежде всего в самом образе боевой жизни, фронтовой обстановки, к которой надо было привыкнуть, прировняться. В этой связи Кожевников не без улыбки вспоминал одну историю, которая приключилась с ним в то же первое военное лето.

После долгих мытарств и испытаний вернулся спецкор фронтовой газеты с передовой и в дачной местности Красный Бор, в лесочке, наконец разыскал свою редакцию. Палаток не было — жили в шалашах. Не хватало людей и транспорта. Связь с корреспондентами в частях была неустойчивой — газете не хватало материала. И едва Кожевников умылся, перевел дух, ему говорят:

— Гони материал в номер...

К счастью, кое-что для текущего номера у спецкора набралось. Как ни суматошно он жил в эти дни, курсируя из Минска в Смоленск, какие-то «заготовки» все же припас... Это были встречи с первыми героями войны — пограничниками, саперами, минерами, броневыми бойцами... Их рассказы остались в душе и памяти писателя. Пристроившись у пня, он быстро написал свои первые фронтовые корреспонденции. Теперь можно продиктовать машинистке. Но их не было. Не было и машинок.

— Вон фулон — там наборщики. Сдай им оригинал, — посоветовали в редакции. Пособет у автора был неважный — двое наборщиков отказались, а третий взял, заметив, что он «трискнет»...

— А вы, товарищ спецкор, можете возвращаться на фронт — мы тут с текстом сами управимся, — посоветовал наборщик.

И Кожевников уехал в знаменитую Пролетарскую дивизию, которую с любовью на-

зывали «Пролетаркой», в дивизию, где он уже прошел свои первые «солдатские университеты», удивляясь, как он выбрался целым из всех передеряг. Забрался он в передовую роту. Залег с солдатами на травке поговорить. Только, было, разговорились — приказ о наступлении.

— И я, конечно, потопал за ними, — вспоминает былой спецкор. — А тут ко мне командир роты: мол-де, так и так, раз идете с нами — получите винтовку и пачку патронов.

Идут бойцы все быстрее и быстрее, бегут, атакуют немцев, а они давай нас обстреливать из минометов. Разрыв. Что-то ударило в мою винтовку, выбило ее из рук. Гляжу: полы шинели — в клочья... Оглушило меня. Повели под руки. Осмотрели — ни одной царапины...

В таком виде спецкор Кожевников снова прибыл в редакцию, а редактор возьми и поведи его в Военный совет.

Д. ОРТЕНБЕРГ

ПИСАТЕЛИ,
СПЕЦКОРЫ
ФРОНТОВЫЕ

Представляет спецкора и комментирует:

— Вот какие боевые у нас корреспонденты!

Под эти речи спецкор выпросил себе новую шинель. Выдали, конечно. Только не командирскую, а простую, солдатскую.

— Признаться, я с горечью расстался со своей боевой старой шинелью, — вспоминает Вадим Михайлович. — Во-первых, я ею гордился: вот, мол, посмотрите, под каким огнем и наш брат газетчик бывает... Во-вторых, шинель свидетельствовала, что могли меня обыкновенным образом убить, хотя я об этом не думал ни до, ни после этого случая. Наконец, третьих, велика была мне новая шинель... Но что поделаешь: выдали — носи! Здесь фронт, а не у тещи на блинах...

...«Красная звезда» подружилась с Вадимом Кожевниковым с самого начала войны. Правда, поначалу это не обошлось без эксцессов: был даже случай, когда Кожевников без ведома редактора своей фронтовой газеты отправил к нам в «Красную звезду» очерк и за это был даже... арестован... Только вмешательство начальника ГлавПУРа пресекло эту нелепость. Потом дело пошло на лад, и Кожевников нередко и вполне законно выступал у нас в газете, как это регулярно делали и иные сотрудники этой фронтовой газеты — Алексей Сурков, Александр Твардовский, Евгений Воробьев... Позже Суркова перевели к нам, в «Красную звезду», а Кожевникова — в «Правду»...

...Рядовой войны, и солдат, и офицер, — центральная фигура военных произведений Вадима Кожевникова. Характерно, что у него почти не было корреспонденций и очерков о командирах крупных соединений, военачальниках, полководцах. Не то, что он не встречался с ними. Были у него такие встречи. Были иногда и такие беседы, которые и сейчас не могут не вызывать улыбку.

...Запомнилась, например, писателю одна встреча с Георгием Константиновичем Жуковым на Курской дуге. Прибыл сюда Кожевников как спецкор «Правды». Явился к Жукову, доложил, как полагается, и в заключение спросил:

— Позвольте спросить: на какой участок фронта теперь мне направиться?

Жуков сурово оглядел спецкора, подумал и сказал: — Может быть, вас еще и решения Ставки интересуют? Спецкор, однако, не растерялся:

— Всем известно, что там,

куда прибывает Жуков, обычно что-то должно произойти...

Жуков улыбнулся, не найдя, видимо, сразу, что возразить спецкору «Правды».

...Встречался Кожевников не раз и с другими полководцами — маршалами Рокоссовским, Баграмяном, Рыбалко, Захаровым... Но все не рисковал писать о них.

— Конечно, я относился к ним с глубоким уважением, — говорил мне писатель. — Считал бы за честь написать о них. Но для этого надо было знать обстановку, владеть хотя бы азами оперативного искусства — одним словом, пожить в нелегком положении полководца, обремененного высшей военной властью человека, который разрабатывает и осуществляет операцию... Для этого, конечно, нужны большой опыт и большая зрелость. Одним словом, надо пожить в их шкуре. О солдатской жизни я писал как бы изнутри, а со стороны я писать не мог, не получилось бы...

...Много за войну было напечатано очерков, рассказов, новелл, корреспонденций Вадима Кожевникова. Но, пожалуй, самым значительным из всего написанного за войну стал его рассказ «Март — апрель». Его напечатали в сентябре 1942 года и вскоре сразу же выпустили отдельной книжкой три издательства — «Правда», «Советский писатель» и Воениздат. Читатели тепло встретили эту книжку. Писателя пригласили в Кремль, и здесь он тоже услышал похвальные слова в адрес своего произведения.

Евгений
ВОРОБЬЕВ

Июнь 1941 года застал Евгения Воробьева на металлургическом заводе в Днепродзержинске, куда он был командирован редакцией га-

зеты, тут же до последней крошки съели, записав его холодным, вкусным молоком.

...Евгений Воробьев — необыкновенно скромный человек. Симонов считал, что «воробьевскую» застенчивость можно зачислить в поговорку.

Скромен — да, застенчив — очень, но это не имело никакого отношения к боевому нраву фронтового спецкора. Был он, и не раз, в жарких схватках и в тяжелых боях. Дважды его контузило и ранило, но он, как правило, помалкивал об этом. Об одном из боев, в котором Е. З. Воробьев проявил незаурядное мужество, я прочитал в наградном листе, подписанном начальником Политуправления 3-го Белорусского фронта генералом Казбинцевым. Документ этот не блещет изысканным литературным стилем, далек от эмоций и сантиментов, но по части фактов — разительная бумага! И я хочу ее процитировать:

«Капитан Воробьев Евгений Захарович, помимо заслуживающей всякого поощрения журналистской работы, отличился в последних боях как офицер и воин. Находясь в 169-м стрелковом полку 1-й гвардейской дивизии, тов. Воробьев оказался непосредственно в боевой обстановке, когда от него требовалось мужество и самообладание. Капитан Воробьев оказывал помощь командованию полка, а кроме того, попал под ружейно-пулеметный огонь, спас трех раненых красноармейцев, оказал им помощь — вынес в укрытие, продолжая после этого находиться в полку.

По поступившим в последнее время в редакцию отзывам, капитан Воробьев неоднократно находился вместе с передовыми подразделениями в боях под Кёнигсбергом, под Борисовом, Каунасом, при форсировании Немана, но по свойственной ему скромности никогда об этом не говорил в редакции...»

...Только через несколько месяцев после начала войны Е. З. Воробьев был официально зачислен в кадры РККА, получил в петлицу «шпалу» и был назначен спецкором фронтовой газеты «Красноармейская правда», в которой прослужил до самого конца, до Победы.

Нужно прямо сказать — Воробьеву во фронтовой газете повезло, он оказался в небольшом, подлинно творческом коллективе литераторов, правопланговым которых был Алексей Сурков.

— Я многим обязан Алексею Александровичу, — признается Евгений Воробьев. — Он учил меня писательской мудрости и заодно обучал ружейным приемам. Большое влияние на меня оказали мой друг сатирик-юморист Морис Слободской, художники Орест Верейский, Виталий Горяев, Андрей Гончаров... В конце мая 1942 года Алексея Суркова перевели в «Красную звезду», и нашу группу возглавил Александр Твардовский. Три долгих фронтовых года я провел под его творческим присмотром. Твардовский был совершенно нетерпим к поверхностному изображению врага, к шапкозакидательству... Общение с ним помогло мне более бережно относиться к слову, к языку.

...Многоопытный спецкор фронтовой газеты, Евгений Воробьев не раз печатался и у нас, в «Красной звезде». Его очерки и корреспонденции привлекали читателей прежде всего отличным знанием материала, достоверностью, дыханием переднего края, где спецкор был не гостем, а старожилом и знал здешнюю боевую жизнь, можно сказать, изнутри, наизусть и даже больше.

— К концу войны Воробьев был не только вступающим в литературу писателем, — совершенно справедливо отметил однажды Константин Симонов, — но и превосходным военным журналистом, точным, оперативным, мужественным в выполнении своего журналистского долга и хорошо знающим войну. Особенно ее передний край...

Воробьев знает о войне наверняка больше многих из нас, казалось бы, тоже прошедших войну от начала до конца. Он знает, что происходит на переднем крае и вблизи него — в роте, в батальоне, на артиллерийских позициях, на наблюдательных пунктах. Это неизбежно чувствуешь, читая его военные вещи...

...И это действительно так: Воробьев писал только о том, что он сам вместе с солдатами и офицерами видел, пережил, перенес... И на эту тему можно рассказать много удивительного... Вот почему очерки, рассказы, повести и романы Евгения Воробьева так густо населены живыми солдатами,ержанцами, офицерами. Лишенные зеркального глянца, эти прекрасные люди, запечатленные Воробьевым, волнуют наши сердца своей житейской достоверностью, человеческой глубиной и чистой подлинной мужеством.

Да, о Евгении Воробьеве можно сказать с полным правом: он прошел все четыре года войны пешком, познал все ее «огни и воды», был храбрым офицером и остался верным высокому воинскому товариществу, священной правде наших тяжких потерь и великих побед!

Он сражался рядом с героями войны. Не удивительно, что они теперь надолго поселились в его яркие, талантливые книги.